

Заполучить Жоржа Сименона в редакцию очень и очень не просто. Писатель живет заворником близ старинного швейцарского городка Эпаленжа и старается поменьше общаться с журналистами. С Сименоном доводилось встречаться известной советской актрисе Алле Демидовой. По просьбе «Недели» Алла Сергеевна и «привела» его в качестве гостя на нашу 13-ю полосу.

— Скажите, пожалуйста, вам часто приходится ходить в гости?

— О, нет, совсем редко. Разве что к Чарли Чаплину — он живет поблизости, в 50 километрах от меня, и иногда я езжу к нему в гости. Жаль, он собирается менять резиденцию: слишком уж шумно, близко от дороги. Тогда я останусь совсем без друзей, к которым можно съездить погостить. А вообще я домосед. Испытываю некий страх к толпе. Но ко мне в гости ездят много. Перебывали почти все французские, английские актеры. Не так давно был Жан Габен... Люблю принимать гостей; потом каждого из них можно найти в моих романах. Я преображаю их в персонажи. Вот и вы... Если проследите за новыми моими романами, в одном из них увидите себя.

— Где вы родились, как жили, кто ваши родители, где и чему учились?

— Родители мои — простые люди. Дед был смотрителем дамбы, отец — бухгалтером в Льеже, в Бельгии, где я и родился. Я хотел стать врачом, начал учиться, но, когда мне шел семнадцатый год, умер отец и мне пришлось бросить занятия медициной. Занялся чем придется, а затем начал писать.

Семь городов спорили, какому из них принадлежал Гомер. Почти так же и я — принадлежу трем странам: родился в Бельгии, большую часть сознательной жизни прожил во Франции, последние годы не покидаю Швейцарию.

То, что я родился и вырос среди простых людей, проявилось и проявляется в моих романах. Согласитесь, мои персонажи, как правило, люди простые: почтальон, лавочник, бармен, мясник, речной шкипер, служащий конторы или банка, горничная... Я с детства был очень наблюдательным, и невольно каждый человек, с кото-

ника. Вы знаете, есть коллекционеры, которые собирают марки, картины или самолеты; моя страсть — люди, я коллекционирую характеры. Наверно, так делали и делают многие писатели, художники.

— Расскажите, пожалуйста: как вы пишете?

— Что касается самого процесса, то это выглядит так. Сажусь в шесть утра за свой «инструмент» — пишущую машинку (от которой у меня твердеющая мозоль на указательном пальце), и все домашние знают, что трогать меня нельзя, что увидят меня только за обедом. Во время работы пью холодный чай с сахаром, чтобы не толстеть. Вообще стараюсь поддерживать физическую форму, плаваю в бассейне — здесь же, при доме. Итак, начинаю в шесть утра и до десяти часов вечера, с минимальными перерывами, работаю. В десять — спать, чтобы завтра снова быть в форме и работать в полную силу.

Пишу быстро. Семь дней пишу, четыре — правлю рукопись. Не потому, что стремлюсь поставить рекорд писательской скорости; это привычка. Я не сразу нахожу тип, образ своего героя, но когда нахожу, то уже не расстаюсь с ним ни на мгновение, концентрируюсь на том, над чем сейчас работаю, и ничто другое для меня в это время не существует. Я вхожу в образы, все во мне зудит, требует немедленного выплеска. Если бы писал дольше, образы выветрились бы, испарились. Хочу, чтобы мои романы читали за один вечер. Понятно, что темпам сюжета соответствует и стиль моего письма. Я вообще не люблю вычурную речь, витиеватый, велеличный, так называемый (незаслуженно) французский стиль.

Сименон не приходится много спрашивать. Он привык давать интервью, знает круг вопросов, которые обычно задают журналисты, и поэтому говорит стремительно, опережая интервьюера.

— Главное в произведении — обнаженный человеческий характер. Все сопутствующее меня не интересует, только характер. Остальное читатель домыслит сам. Раньше романистам приходилось описывать все. Техника информации в нашу эпоху дает читателю достаточно широкое образование, а писателя избавляет от лишних слов. Если действие происходит на набережной в Киеве, ее не нужно описывать. Это уже сделали радио, телевидение, кино, географические путеводители. Если героиня моего романа больна, допустим, туберкулезом, нет нужды приводить признаки этой болезни, они уже описаны — к примеру, Ремарком, другими романистами. Читателю не нужны эпитеты и подробности, не имеющие значения для развития сюжета, ничего не добавляющие к образу персонажа. Надо рассчитывать на знания читателя и будить его фантазию. Так ведь делали и великие русские — Гоголь, Чехов, Достоевский.

— Как вы относитесь к их произведениям?

— Преклоняюсь. В Гоголе меня покоряет удивительное умение воссоздавать жизнь, мир. В Чехове — его любовь к людям, мечта изменить их судьбу к лучшему. Достоевский вдохновил меня на поиск: перечитав его, я стал искать причины необъяснимого на первый взгляд поведения человека — следовательно, персонажа.

— Значит, ваши любимые писатели...

— Они. И еще Хемингуэй, Фолкнер, Дос Пассос.

— А как родился комиссар Мегрэ?

— Незаметно. Как действующее лицо только одного рассказа. Затем он появился в другом рассказе. Затем в романе. В других романах. И теперь все требуют от меня Мегрэ! Я несколько раз собирался закончить эту серию, но — новый шквал писем, и приходится возвращаться к комиссару, которого я уже знаю лучше, чем, пожалуй, себя самого.

— Теперь я буду задавать вопросы «вразнобой». Скажите, какая из наук вам ближе других, я имею в виду — в вашей работе?

— Медицина. Мои настоящие книги — по медицине, по психиатрии, психопатологии, психоанализу. Девять десятых моих друзей — медики. Как видите, вынужденный в ранней юности

ем месте, насколько мне известно, Шекспир.

— А Агата Кристи?

— Может быть, она после Шекспира? Мои английские знакомые говорили, что ее интересуют само преступление, его натуральная сторона, интрига, сюжет, писательский ход. Что она открывает в человеке только низменное. Не знаю, не читал. Но считаю, что нужен более широкий взгляд.

— Расскажите о вашем отношении к кинематографу.

— У меня много друзей среди актеров. Мой старший сын женат на киноактрисе Милен Демонжо. Мы были друзьями с Рене Клером, с Ренуаром. Знал я и Сергея Эйзенштейна. Я всегда любил кино. Особенно ран-

слиш к о м

много логи-

ческих филь-

мов: завязка,

кульминация, раз-

вязка. Все последо-

тельно — и скучно

Нужно больше алогизма

— Но нет ли в этом она-но

сти увлечения формальными

приемами?

— Пожалуй, есть некоторая

опасность символизма, но, по-

моему, это не страшно. Искус-

ство болело символизмом в

80-х годах прошлого столетия,

лет двадцать, потом это про-

шло. Будущее за реализмом. Но

это не исключает поиска, не

правда ли?

— Интересно, кого из нынеш-

них кинорежиссеров вы отли-

чаете?

— Люблю Феллини. Здоровый

малый с медленными жестами,

говорит спокойно, а внутри са-

мый беспокойный человек, ка-

кого я знаю. Как Достоевский.

Из этого беспокойства и состо-

ят все его фильмы. И это не

передать в старых традициях.

В наш век все развивается

очень бурно, это отражается и

на искусстве. За последние сто

лет человечество пережило по

меньшей мере два научно-тех-

нических взлеты. Первый — бур-

ное развитие печати, появление

фотографии. Второй — воздухо-

плавание, кинематограф, элект-

роника. По-моему, сейчас на-

зревает какой-то третий взлет.

Какой именно? Если бы можно

было это узнать, я бы ринулся

вперед всех!

— Сейчас в мире велик инте-

рес к прошлому. Так, может

быть, какое-то возвращение

назад, движение «по второму

кругу»?

— Нет, я верю в человече-

ство. Вот говорят: роман устарел

как жанр, роман умирает. У меня

иное мнение. Роман жив и

будет жить: именно он способен

вместить в себя описание всей

человеческой жизни, жизни це-

лого поколения и даже многих

поколений. Недаром по романам

делают столько инсценировок,

экранизаций, телефильмов.

— Кстати, ваше мнение об

экранизациях ваших произведе-

ний?

— Из 55 экранизаций я ви-

дел всего три. И смотреть не

люблю, по правде говоря. На эк-

ране — совсем другое, чем было

в голове. Сценарий-то пишу не

я. Обидно и досадно, такое впе-

чатление, будто родная дочь

вернулась домой после пласти-

ческой операции. Правда, я ви-

дел фото советского актера Те-

нина в роли Мегрэ, в телеспек-

такле, — очень похож! Пожалуй,

больше всех. Передайте это

ему, если встретите. Другие ре-

жиссеры делают Мегрэ, каким

вздумается. Конечно, это не

может радовать автора.

— Вы ведь бывали в Совет-

ском Союзе?

— Дважды. Впервые — в 1932

году, месяц жил в Одессе, ме-

сяц в Батуми. Помню Батуми

тех дней — на улицах много

шакалов, верблюдов, разнообра-

зные одежды... Второй раз был

в 1967 году. Батуми «выпрями-

лся», стал совсем европейским.

Я тогда совершил круиз по Чер-

ному морю: Батуми — Одесса —

Ялта — Новороссийск.

— И последнее: скажите, что

вы думаете о нас? О нашей

стране?

— Вы очень настойчивые и

целеустремленные люди. Стави-

те себе цель, идете к ней и до-

стигаете ее. У вас завидная

бодность, любознательность,

добродетельность. Словом,

ясность.

Интервью взяла
Алла ДЕМИДОВА

ГОСТЬ 13-й СТРАНИЦЫ

оставить занятия медициной, я не бросил их навсегда.

— Вас издают почти во всех странах мира. Есть у вас зарубежные издания ваших романов, в частности изданных в Советском Союзе?

— Есть только то, что мне присылают. Кстати, я получаю много писем и посылок из Советского Союза — в основном подарки. Русские любят дарить. Один советский мастер подарил мне чудесную трубку. Я храню свои трубки, в том числе эту, в строжайшем порядке; одна, постоянная, всегда передо мной на письменном столе, к другим трубкам я время от времени возвращаюсь — по очереди, в зависимости от настроения.

Вы сказали: издают почти везде. Да, по количеству зарубежных изданий мои произведения занимают второе место в мире. Так мне сообщили издательские статистики. На треть-

ше, в двадцатые годы, когда кино было молодым и задиристым. Тогда все мы были такими же молодыми и задиристыми, боролись за новое направление. В парижских кафе споры о кинематографе доходили до драк. Хозяевам приходилось вызывать жандармерию!.. Теперь у меня в подвале дома маленький кинозал. Мне привозят новые фильмы и старые, и я смотрю их в полном одиночестве. Сейчас

И поскольку Алла Демидова не только автор этого интервью, но тоже некоторым образом гость нашей 13-й полосы, мы спросили ее: в каких новых ролях — в спектаклях и фильмах — мы вас увидим!

— У меня сейчас две новые работы в театре на Таганке, обе в пьесах Островского: Кабаниха в «Грозе» и Мамаева — «На всякого мудреца довольно простоты». Скоро выйдет на экран новые фильмы, в которых я снялась: «Ты и я», «Иду к тебе», «Визит вежливости».

рым доводилось общаться, каждая встреча, новое знакомство, поведение того или иного лица запечатлевались в памяти во всех деталях. А когда начал писать, стал изучать людей специально, вскрывать их характеры, сущность. Затерянные в огромном городе, в массе себе подобных, люди скаты жесткими пальцами социальных, политических, религиозных и других условий буржуазного общества, его законов и правил. Я стараюсь раздвинуть эти пальцы, извлечь из них человека и выяснить — кто и что в нем, внутри него. Я убежден, что человек чаще всего так и не раскрывается до конца. Как сказал кто-то, не помню кто, человек обязательно таит в себе, может быть, героя, а может быть, прес т у п-